

Н.В. Томан

В созвездии трапеции

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Н11

Н11 **Н.В. Томан**
В созвездии трапеции / Н.В. Томан – М.: Книга по Требованию, 2017. –
102 с.

ISBN 978-5-458-03318-3

Героев повести волнуют проблемы общения с разумными существами иных миров.

ISBN 978-5-458-03318-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017
© Н.В. Томан, 2017

Николай Владимирович Томан
В СОЗВЕЗДИИ ТРАПЕЦИИ

"Надо было взять такси, — с досадой думает Ирина Михайловна, озябшим пальцем протирая прозрачный кружок в оледеневшем окне троллейбуса. — Совсем замерзну, пока доеду..."

Время позднее — за полночь. В троллейбусе малоллюдно всего пять-шесть человек. Сквозь замерзшие окна ничего не видно, а водитель не считает нужным объявлять остановки.

В протертом кружочке мелькает свет уличных фонарей. Ирина Михайловна всматривается в него, почти касаясь лбом толстой наледи на стекле. В столь поздний час на улицах уже выключена часть освещения и густые тени затухивают приметы хорошо знакомых зданий. Да и прозрачный кружочек то и дело затягивается сизой пленкой изморози. Его почти непрерывно приходится протирать стынущими пальцами.

Лишь после Каляевской Ирина Михайловна начинает ориентироваться безошибочно. Теперь скоро площадь Маяковского, а там и Кудринская.

В скверном настроении возвращается домой режиссер цирка Ирина Михайловна Нестерова. Не очень приятный был у нее сегодня разговор с директором и главным режиссером. Они все торопят с программой к открытию нового здания цирка. Времени хотя еще и много, однако нужно ведь не только придумать программу, но и отрепетировать ее. И не какую-нибудь, а нечто грандиозное, небывалое. В ее ушах и сейчас еще звучат патетические слова директора:

— Первого мая мы дадим представление не просто в новом здании цирка, а в самом лучшем в мире здании цирка! В нем мы должны показать не только новое, но и принципиально новое!

Ирина Михайловна и сама все это отлично понимает. Она уже была в новом здании и восхищалась почти всем, что там увидела. Особенно же четырьмя мажеями, три из которых расположены под землей.

И снова мрачные мысли о новом репертуаре. Главный режиссер высказал пока лишь самые общие соображения о нем:

— Новая наша программа должна быть на уровне века. На уровне современной науки и техники. Короче говоря — она должна быть космической...

"Хорошо ему говорить о космическом — в его распоряжении весь цирк, — уныло думает Ирина Михайловна, всматриваясь в протертый глазок в наледи окна. — Воздушных гимнастов на различных механических конструкциях, полеты их с батутов и резиновых амортизаторов можно, конечно, подать как вторжение в космос. А у меня клоуны... У них что космического? Куда устремлю я своих коверных?.."

И усмехается невольно:

"Дрессированные животные тоже, конечно, не очень космическая фактура!.. Но Анатолий Георгиевич как-нибудь справится со всем этим. Наверно, придумает что-нибудь. И я бы придумала, если бы у меня были такие клоуны, как Виталий Лазаренко или мой отец, знаменитый «Балага», будь он хотя бы лет на десять помоложе..."

Ирина Михайловна знает, конечно, что и для клоунов придумают что-то, если не главный режиссер, то кто-нибудь из пишущих для цирка сценарии новых программ, но ей очень досадно на себя за свою беспомощность...

Но вот и Кудринская. Нужно выходить. Ото, какой свирепый мороз! Настоящая космическая стужа. Хорошо хоть, что идти недалеко.

Ирина Михайловна торопливо перебегает широкое Садовое кольцо и заворачивает за угол. Ее дом — третий от угла. Поскорее бы миновать двор, яростно продуваемый сквозным ветром.

Поднимаясь на третий этаж, Ирина Михайловна ищет в сумочке ключ от квартиры. Осторожно открыв дверь, на цыпочках входит в коридор и нащупывает на стене выключатель.

Повесив шубку и переобувшись, она идет на кухню. Сквозь стеклянную дверь соседней комнаты не видно света — отец ее, Михаил Богданович, и сын Илья спят, конечно.

Мягко щелкает клавиш выключателя, и на кухне вспыхивает свет. Сразу же бросается в глаза тарелка, покрытая салфеткой. Рядом стакан и коробка с помадкой — любимыми конфетами Ирины Михайловны.

"Это папа, конечно", — тепло думает она об отце. С тех пор, как он ушел на пенсию, в доме стала чувствоваться его заботливая рука.

Ирина Михайловна зажигает газовую плиту и осторожно ставит на нее чайник. Усевшись за стол, не без любопытства приподнимает салфетку.

Ну да, это приготовленные папой бутерброды. Но что это еще? Что за странная фигурка? Похожа чем-то на Буратино...

Ирина Михайловна берет ее в руки и вдруг слышит отчетливо произнесенные тоненьким «цыплячьим» голосом слова:

— Добрый вечер, Ирина Михайловна! Позвольте представиться — Гомункулус. Создание великого алхимика нашего времени Балаги и его внука физика Илья.

"Конечно же это проделки Илюши и папы", — догадывается Ирина Михайловна. Ее, однако, не смешит эта выдумка, а лишь вызывает чувство досады.

"Зачем они устроили мне этот цирк на дому?.." — с огорчением думает она, откладывая в сторону маленького человечка, и уже без прежнего аппетита принимается за бутерброды.

Человечек, однако, оказывается упрямым.

— Ай-яй-яй! — укоризненным голосом произносит он. — Не ожидал я этого от вас, Ирина Михайловна. Я понимаю, вы устали и хотите есть, ну так и ешьте себе на здоровье. Я ведь вам не мешаю. Прошу лишь вашего внимания, ибо мне нужно сообщить вам нечто очень важное: мой повелитель, знаменитый коверный клоун Балага, решил снова вернуться на арену.

Ирина Михайловна уже не может больше спокойно слушать этого маленького наглеца. Она снова берет его в руки и внимательно осматривает со всех сторон в надежде найти какой-нибудь проводок, с помощью которого ее отец или сын Илья ведут этот разговор. И хотя никаких проводов Ирина Михайловна не находит, она снимает туфли и в одних чулках на цыпочках подходит к комнате проказников, намереваясь застать их врасплох. Энергично распахнув дверь, она зажигает свет, но никого возле дверей и за столом не обнаруживает. Дед и внук лежат в своих постелях, безмятежно похрапывая. Ирица Михайловна почти не сомневается, однако, что они лишь притворяются спящими, но окликнуть их не решается.

— Они спят, Ирина Михайловна, — снова произносит человечек, как только она возвращается на кухню. — А я уполномочен ими вести с вами этот разговор. Вы ведь будете, наверно, пить чай? Ну, а я тем временем изложу планы вашего

папаши. Почтенный Михаил Богданович Балаганов действительно решил вернуться на арену цирка. Чихал он на свой пенсионный возраст. Придется, конечно, отказаться от акробатики и, может быть, даже от реприз. Но он теперь будет мимом, подобно Марселю Марсо в его Бип-пантомиме.

— Ну вот что — хватит! — сердито хлопает ладонью по столу Ирина Михайловна. — Это уже не остроумно!

И она бесцеремонно хватает Гомункулуса, собираясь швырнуть его в кухонный шкаф.

— Умоляю вас, погодите минутку, — пищит человечек. — Еще буквально два слова...

— Нет! — неумолимо прерывает его Ирина Михайловна и бросает в темный ящик шкафа. — Поговорю об этом завтра с твоим повелителем.

Ей уже не хочется есть. Она торопливо убирает все со стола и уходит в свою комнату. Ее муж, доктор физико-математических наук, Андрей Петрович Нестеров, спит на диване. Но едва Ирина Михайловна зажигает ночничок, как он открывает глаза.

— Ты уже пришла, Ира? — сонно спрашивает он и смотрит на часы. — Почему так поздно? Да и вид какой-то расстроенный.

— Спасибо за спектакль, — сердито говорит Ирина Михайловна.

— За какой спектакль? — удивляется Андрей Петрович.

— За домашний. Не сомневаюсь, что без твоего участия тут не обошлось. Все было на уровне современной кибернетики.

— Да что ты в самом деле! Я понятия не имею, о чем ты говоришь...

Голос Андрея Петровича звучит искренне, и Ирина Михайловна решает объяснить, в чем дело.

— Ай, проказники! — смеется Андрей Петрович. — Ловко придумали, а ты зря злишься. Это, конечно, Илюша — он блестящий экспериментатор. Вся техника — его рук дело. Ну, а остальное — результат фантазии и артистического таланта твоего отца. И, знаешь, я думаю, это не только шутка. Дед в самом деле снова хочет в цирк. Такие, как он, не уходят на пенсию.

— Но ведь годы, — вздыхает Ирина Михайловна. — Он же буффонадный клоун, а врачи запретили ему не только сальто-мортале, но и более простые акробатические трюки.

— Стало быть, Гомункулус сказал правду — коверный клоун Балага действительно решил стать мимом. Наверное, в наше отсутствие он уже репетирует свою новую программу, вживается в новый образ. Да и что гадать — завтра, он сам посвятит тебя в свои планы.

А в это время дед с внуком шепчутся в соседней комнате:

— Не переборщили ли мы? — спрашивает Илья, — Мне кажется, мама рассердилась...

— Да, может быть, — соглашается Михаил Богданович. — Но зато она подготовлена теперь к моему решению и мне завтра легче будет с нею разговаривать. К тому же она сможет оценить и возможности моего будущего партнера — Гомункулуса.

В квартире Нестеровых Михаил Богданович встает раньше всех. Затем уже Ирина Михайловна. Андрей Петрович с Ильей позволяют себе поспать еще часок.

Спит ли еще Илья, Андрею Петровичу не известно. Сам он просыпается почти тотчас же, как только поднимается его жена. Он, правда, не произносит ни слова и даже не открывает глаз, догадываясь, что она хочет, видимо, поговорить с отцом наедине. А потом, когда Ирина уходит на кухню, он напряженно прислушивается, пытаясь уловить хоть одно слово из негромкого ее разговора с Михаилом Богдановичем. Но, так и не услышав ничего, снова засыпает.

В девять часов его будит Илья:

— Вставай, папа, наш дом уже пуст.

— Как пуст? А Михаил Богданович?

— Дед тоже ушел куда-то. Оставил записку, чтобы завтракали без него.

— Жаль, — вздыхает Андрей Петрович. — Хотелось узнать, чем кончился его разговор с твоей матерью.

Илья смеется:

— В наш век магнитных записей мы и так все узнаем...

— Как тебе не стыдно, Илья! — хмурясь, перебивает его отец.

— И ты мог подумать обо мне такое? — укоризненно качает головой Илья. —

На вот, прочти.

"Зная, каким любопытством будешь ты томиться, специально для тебя зафиксировал все на магнитной пленке. Вернусь только к вечеру. Идем с Гомункулусом к главрежу. Проинформируй обо всем папу.

Твой дед — "Великий алхимик и начинающий мим".

— Ну что ж, включай тогда, — машет рукой Андрей Петрович.

Пока нагреваются лампы магнитофона, отец с сыном молча смотрят друг на друга, пытаясь угадать — с согласия ли Ирины Михайловны пошел Михаил Богданович в цирк или вопреки ее желанию?

Но вот Илья нажимает наконец кнопку воспроизведения записи, и Андрей Петрович слышит спокойный голос жены:

"Здравствуй, папа! Спасибо тебе за вчерашний спектакль".

"Ну и что ты скажешь о моем решении?"

"А ты серьезно?"

"Серьезнее, чем ты думаешь. Мне надоело быть домработницей".

"Только поэтому?"

"Это, конечно, не главное. Не могу я без цирка..."

"Но что ты теперь будешь там делать? Не те ведь годы..."

"Ты же слышала от Гомункулуса — мы с ним покажем пантомиму — "В лаборатории средневекового алхимика".

"А ты веришь в успех?"

"Не сомневаюсь".

"А я сомневаюсь... Сомневаюсь, что ты будешь иметь такой же успех, как прежде. Ведь ты был знаменит. Во всяком случае, тебя проводили на пенсию почти как народного артиста. А теперь..."

"Что теперь? Теперь я, может быть, буду еще знаменитее, ибо чувствую, что нашел то, чего не хватало раньше, — настоящую маску. Ведь я работал все эти дни... Целый год! Вы все уходили, а я тут работал. Сначала просто над техникой мима. Репетировал стильные упражнения по грамматике Этьена Декру, по которой учился Марсель Марсо. Осваивал ходьбу против ветра, передвижение под водой, перетягивание каната. Этьен Декру утверждает, что актер может своим

телом выразить любые чувства. Лицо для него не играет никакой роли. Оно лишь маска. Только тело в состоянии выразить такие чувства, как голод, жажду, любовь, счастье и даже смерть".

"И ты поверил в это?"

"Я проверил это. Вот смотри, я изображу тебе передачу новостей по радио. Покажу человека, который включил утром радио и услышал интересные новости".

Некоторое время слышится лишь легкое шипение магнитной ленты и постукивание чайной ложки о стенки стакана. Потом щелчок, будто кто-то включил радиоприемник. А спустя еще несколько секунд тихий смех Ирины Михайловны и возбужденный голос Михаила Богдановича:

"Ну что? Поняла ты, что услышал человек, включивший радио? Не догадалась разве, что передавали сообщение о новом полете в космос?"

"Да, папа, поняла! И признаюсь — не ожидала..."

"Не ожидала! Плохо ты знаешь своего отца. Я вырос в цирке. Вся жизнь моя прошла на его манеже. Я и родился, наверно, где-нибудь под тентом ярмарочного балагана. Ты ведь знаешь, что я подкидывш... Помнишь, рассказывал, как меня подкинули коверному клоуну «Бульбе», положив в его чемодан? Он и вышел с этим чемоданом на манеж во время представления, не подозревая, что в нем живой ребенок. А потом так обыграл свою находку, что хохот зрителей чуть не сорвал ветхий брезент с ярмарочного балагана".

И опять пауза, заполненная шипением магнитной ленты. Затем снова голос Михаила Богдановича:

"Подкинула меня Богдану Балаганову циркачка, имя которой ему не было известно. Наверно, и она родилась в цирке, и кто знает, сколько поколений циркачей в нашем роду? И, веришь, я горжусь этим! Обидно только, что ты не стала цирковой артисткой".

"Ты же знаешь, папа, почему..."

"Да что теперь говорить об этом!.. Но ты хоть понимаешь, что не могу я без цирка? Что возвращаюсь не для того, чтобы посрамить свое имя, а твердо веря в успех? Я ведь не только открыл в себе мима, но и приготовил свой номер. Подсказал его мне Илья. Он и сконструировал Гомункулуса. Он ведь очень талантлив, наш Илюша!"

И тут вдруг раздаются всхлипывания Ирины Михайловны, а затем ее дрожащий от волнения голос:

"Да, да, он талантлив! Вы все талантливы: он, ты и даже мой муж. Одна только я бездарность и неудачница!.. Ничего из меня не получилось, не получается и режиссера. Ничего не могу придумать такого, что вдохновило бы моих клоунов..."

— Может быть, выключить, папа? — робко спрашивает Илья, заметив, как волнуется отец. У него и у самого щемит сердце.

Но отец лишь отрицательно качает головой и старается не смотреть в глаза сыну. Ему нестерпимо жалко Ирину. Да и за Михаила Богдановича очень тревожно. В его годы пробовать себя в новом жанре более чем рискованно...

А из магнитофона все еще раздается его возбужденный голос:

"Ты молода, Ирина. У тебя все впереди. Да и не одна ты теперь будешь. Сообща мы непременно придумаем новую программу для всей нашей клоунской

братии. А теперь давай-ка позавтракаем и пойдем вместе в цирк..."

Некоторое время отец с сыном сидят молча. Каждый по-своему переживает и оценивает услышанное.

— Пожалуй, это к лучшему, что они наконец объяснились, замечает наконец Андрей Петрович. — Я верю в твоего деда он умный и энергичный человек, и если действительно "нашел себя" в жанре мима — все будет хорошо. Маме тоже станет легче — он и ей поможет в ее режиссерской работе.

— Но признайся, ты все-таки не очень в этом уверен? пристально глядя в глаза отца, допытывается Илья. — Я дедушку имею в виду, его успех...

— Откровенно говоря — да, не очень, — неохотно признается Андрей Петрович. — Публика помнит его, как талантливого буффонадного клоуна и не известно, как еще примет в совершенно новом для него жанре.

— Почему же в совершенно новом? Я хорошо помню дедушку, когда он еще выступал. В его номерах были и мимические сцены.

— Эпизодики, а теперь на этом нужно построить целый номер. Ты видел хоть, как это у него получается?

— Нет, он этого никому не показывал. Прodelывал все наедине с зеркалом. Но я знал, что он репетирует новый номер. Он не скрывал этого от меня, просил только держать в тайне. Иногда советовался даже. Тогда-то я и подсказал ему идею кибернетического партнера — робота в образе фантастического Гомункулуса. А потом и сконструировал ему его. Кибернетический партнер, помоему, вполне в духе времени. Дед ведь очень начитанный, он сразу понял всю новизну такого партнера. Он, правда, хотел сначала работать в образе Мефистофеля, властвующего над душой Гомункулуса. Но я посоветовал ему воплотиться в образ средневекового алхимика, творящего с помощью Гомункулуса чудеса.

Илья говорит все это увлеченно, почти зримо представляя себе все многообразие возможностей подсказанной деду идеи. А Андрей Петрович будто впервые замечает теперь хорошо сложенную фигуру сына, широкие плечи, крепкие руки, безукоризненную точность движений. Почти не глядя, берет он со стола чайную посуду, ловко споласкивает ее под краном и с каким-то удивительным изяществом вытирает полотенцем.

"Наверное, сказывается в этом унаследованная им сноровка и навыки многих поколений цирковых актеров, — невольно думает Андрей Петрович. — Кем была его прабабушка? Наездницей, которой приходилось сохранять равновесие на бешено мчащемся коне, или эквилибристкой на проволоке?"

Нервы, мускулы, вестибулярный аппарат — все должно быть безукоризненным у людей этой профессии, ибо не только успех, но и сама их жизнь зависит от этого совершенства.

И так из поколения в поколение. Дед Ильи был ведь универсалом. Владел всеми жанрами циркового искусства. Мать тоже была воздушной гимнасткой и работала бы на трапеции до сих пор, если бы не сорвалась однажды во время исполнения сложнейшего апфеля — спада на качающейся трапеции со спины на носки. Упала она хотя и в сетку, но так неудачно, что врачи не разрешили ей больше работать гимнасткой... Тогда отец ее, знаменитый коверный Балага (имя это образовал он из усечения своей фамилии — Балаганов), стал обучать Ирину клоунаде. Года два была она его партнершей, а потом ее послали на курсы режиссеров. И вот с тех пор испытывает неудовлетворенность.

А Илья? У него от цирка только спортивная фигура да ловкие руки, столь необходимые физико-экспериментатору. Любые, самые замысловатые приборы, иной раз почти ювелирной тонкости, изготовлял он, будучи еще студентом. Есть у него и упорство в достижении цели, столь свойственное многим цирковым артистам. Андрею Петровичу известно это не только по своему тестю и жене, но и по судьбам их друзей. Многим из них приходилось преодолевать боязнь высоты, падать, ломать кости ног, бедер, подолгу лежать в больницах и начинать все сначала. Позавидуешь такой непоколебимости!

— Вот и дедушка и мама называли меня только что талантливым, — прерывает размышления Андрея Петровича Илья, — а ты, папа? Не разделяешь их мнения или считаешь, что хвалить меня не педагогично? Я имею в виду мой эксперимент, вызвавший антигравитационный эффект.

Отец долго молчит, нервно постукивая пальцами по столу. Илья терпеливо ждет, убирая посуду в кухонный шкаф.

— Уж очень загадочен этот эффект, — задумчиво произносит наконец Андрей Петрович. — Подобен чуду, а я не верю в чудеса.

— Ну, так давай вместе разбираться, искать объяснения, живо поворачиваясь к нему Илья. — А то ведь и сам ничего не предпринимаяешь, и мне не даешь возможности начать серьезное изучение открытого мною явления.

— Напрасно ты так думаешь, Илюша, — укоризненно качает головой Андрей Петрович. — Я уже не первый день занимаюсь теоретическим обоснованием твоего эффекта.

— Но почему же только сам? У тебя ведь нет для этого даже достаточного времени...

— Не торопись, Илюша. Я не хочу, чтобы над нами смеялись. Вспомни ту шумиху, которая была поднята чуть ли не во всем мире вокруг аппарата американского изобретателя Нормана Дина. Не только французский журнал «Сьянэ-ви», но и некоторые ученые мужи утверждали тогда, будто Дин обосновал новый принцип механики, позволяющий построить летательный аппарат без использования отдачи реактивной струи.

— Но ведь не все и не все отрицали тогда в аппарате Дина. Многие считали, что достигнутый им эффект не противоречит ни одному из законов Ньютона, а лишь уточняет их. А что ты скажешь о наших изобретателях "безопорных движителей"?

— О инженерах Толчине и Зайцеве?

— Да. О инерцоидах Толчина и универсальном импульсном движителе Зайцева.

— Я не считаю себя достаточно компетентным в вопросах механики. Мне известно, однако, что Комитетом по делам изобретений и открытий заявки на безопорные движители не принимаются к рассмотрению, так же как и на злополучные перпетуум-мобиле.

— А вот доктор физико-математических наук Протодяконов сказал недавно об инерцоидах Толчина, что они заставляют задуматься о верности некоторых положений механики. И добавил: "Я бы не поверил, что эти опыты осуществимы, если бы не видел их собственными глазами..."

— Я не читал его высказываний, — хмуро говорит Андрей Петрович, — не сомневаюсь, однако, что эксперимент Толчина не был достаточно «чистым».

Боюсь, что желаемое принимается тут за достигнутое и превратно толкуются побочные эффекты.

— Но должно же быть как-то истолковано «поведение» механизмов Толчина и Зайцева и объяснено с точки зрения современной механики? А этого никто пока не сделал с достаточной убедительностью. Да и только ли это? Разве мало еще неясного? Это ведь в конце прошлого века, когда все казалось таким простым и доступным, лорд Кельвин мог заявить, что здание физики уже построено. Его смущали лишь два небольших облачка на ясном горизонте науки. Одним таким облачком был опыт Майкельсона, не имевший в ту пору объяснения, вторым — катастрофическое расхождение между существовавшей тогда теорией и опытными данными, полученными при изучении теплового равновесия между нагретым телом и окружающей средой. А потом, как ты знаешь, из первого опыта родилась теория относительности, а из второго — квантовая механика.

— Напрасно ты утешаешь себя этими примерами, Илюша, снова укоризненно покачивает головой Андрей Петрович. — К тому же они были бы уместны лишь в споре с невежественным в истории науки человеком.

— Прости, папа, — смущается Илья, — я не хотел тебя обидеть. Но и ты пойми мое состояние... Пока не решу этой загадки, не смогу ничего больше делать. Вот уже вторую неделю я не в состоянии притронуться к своей диссертаций. А то, что полученному мною эффекту нет пока объяснения, меня не расхолаживает. Ведь этот эффект — "Его величество Факт", как сам ты любишь выражаться.

— А я не уверен пока, что это действительно "Его величество Факт", — упрямо качает головой Андрей Петрович. — Я не только старше тебя, но и опытней и знаю, как невероятно трудно в наше время открыть что-нибудь принципиально новое. И смущает меня не то, что ты открыл это случайно, — в науке такое бывало. Случай нередко даже помогал многим открытиям. Он помог Беккерелю обнаружить радиоактивность, а Рентгену лучи, названные впоследствии его именем. Нас, однако, должно волновать сейчас не это. Нам необходимо точно знать — действительно ли перед нами "Его величество Факт", нет ли тут какой-нибудь ошибки?

— Ну, так поручи кому-нибудь повторить мой эксперимент! — восклицает Илья.

— Если бы ты не был моим сыном, а я не был бы директором научно-исследовательского института, так бы я и поступил. Но ведь то, что ты мой сын, а я директор института, — уж это-то бесспорный факт. И именно поэтому я не могу официально поручить кому-либо повторение твоего эксперимента. Не делай, пожалуйста, удивленного лица, наберись лучше терпения и выслушай меня до конца.

Андрей Петрович встает и продолжает разговор, прохаживаясь по кухне:

— Я ведь говорил уже, что пытался теоретически объяснить полученный тобою эффект, и чем больше размышлял об этом, тем больше убеждался, что в таких масштабах эксперимента он вообще не может быть обоснован с достаточной основательностью. Нужно, следовательно, ставить его фундаментально. А для этого необходима целая экспериментальная группа опытных научных работников, а главное — мощная энергетическая база. Вот и посуди теперь сам: могу ли я при отсутствии твердой уверенности, что твой эффект повторится, пойти на